

**Joanna Mianowska, Lola
Zwonariowa, Rene Gerra**

**Дискуссия : Владимир Агеносов
"Восставшие из небытия.
Антология писателей Ди-Пи и
второй эмиграции",
Москва-Санкт-Петербург 2014**

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 5, 319-327

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

**Владимир Агеносов, *Восставшие из
небытия. Антология писателей
Ди-Пи и второй эмиграции, Москва-
-Санкт-Петербург 2014, 734 с.***

Дискуссия

Joanna Mianowska

Вторая российская эмиграция XX века не дождалась до сих пор многих литературоведческих разработок. В Польше о ней впервые упоминалось в книге *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej* под редакцией профессора Люциана Суханека (Kraków 1993). Л. Суханек в вводной статье упоминаемой книги (*Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy*) называет имена представителей этой волны рассеяния: Г. Андреева, О. Анстей, Б. Ширяева, И. Елагина, Ю. Иваска, Д. Кленовского, Л. Ржевского, В. Синкевич, Н. Нарокова. Имена многих писателей и поэтов второй волны эмиграции вошли в *Лексикон русской литературы XX века* В. Казака, переведенный на польский язык Б. Кодзисом (его составление, польская библиография и именной указатель)¹.

В 2005 году в „Acta-Polono-Ruthenica” появилась первая статья, посвященная творчеству Леонида Ржевского². Продолжая тему польского восприятия литературы второй волны эмиграции, стоит назвать учебник «Литература русского зарубежья в образцах и с комментариями», в котором вторая волна была представлена именами Л. Ржевского, В. Синкевич и И. Чиннова³. В учебнике кроме краткой биографии писателя и поэтов представлены отрывки текстов, стихов, комментарии и пояснения, а также задания и вопросы. Стоит отметить, что о второй волне русского исхода на многих конференциях, посвященных эмиграции, лишь упоминалось.

¹ W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku. Od początku stulecia do roku 1996*, przekład, opracowanie, bibliografia polska i indeks osób: В. Kodzis, Wrocław 1996.

² J. Mianowska, *Литературные реминисценции в романе Леонида Ржевского «Между двух звезд»*, „Acta-Polono-Ruthenica” 2005 (X), red. W. Piłat, Olsztyn 2005, с. 51-58.

³ J. Mianowska, *Литература русского зарубежья в образцах и с комментариями*. Второе издание, исправленное и дополненное, Wydgoszcz 2007, с. 213-237.

Большим и заслуженным спросом в Польше пользовалась книга В.В. Агеносова *Литература русского зарубежья*, изданная еще в 1998 году, ибо в ней впервые в более широком аспекте были представлены имена творцов литературы второй волны рассеяния Д. Кленовского, И. Елагина, Н. Моршена и Л. Ржевского⁴. Она была одной из первых попыток представления литературы русской эмиграции трех волн с 1918 по 1996 год. Позже появились другие учебники, в которых вторая волна русской эмиграции нашла свое отражение лишь некоторыми ее представителями. Назовем важнейшие и новейшие из них. *Литература русского зарубежья*, учебное пособие под общей редакцией А.И. Смирновой, Москва 2006. Рецензия на эту книгу в: *Slavia Orientalis*, 2006, с. 309. Второй волне в этом учебнике посвящены 23 страницы, начиная с рассуждений общего плана о зарубежье 1940-1960 годов в контексте культуры и периодики и завершая поэзией Игоря Чиннова и Ивана Елагина. Внимания заслуживает также учебное пособие *История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)* под ред. А.П. Авраменко, изданное в Москве в 2011 году. Литературе второй волны русского исхода посвящено 48 страниц, а в них много места уделяется и центрам и организационным формам литературы второй волны. В книге справедливо подчеркнут вклад Г.П. Струве в сохранение литературного наследия и популяризации творчества эмигрантов. В этой связи сказано: «Академические штудии Г. Струве, М. Слонима, В. Набокова, Ю. Иваска, Б. Филиппова, В. Маркова и других эмигрантов первой и второй волн обусловили стремительный, качественный подъем западной литературоведческой русистики в 1950-1970-е годы». В отдельных главах, названных *Поэзия второй волны* и *Проза второй волны*, анализу подвергнуто творчество И. Елагина, Б. Нарциссова, Д. Кленовского (Крачковского), Н. Моршена (Н.Н. Марченко), И. Чиннова, Ю. Иваска – поэтов, а также писателей – Н. Нарокова (Н. Марченко), Л. Ржевского. Хочется подчеркнуть, что польская эмигрантология осознает отсутствие литературоведческих разработок по литературе второй волны рассеяния. На фестивале в Слупске (2012) *Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья* была предусмотрена секция, посвященная литературе второй волны. Однако из-за ряда обстоятельств (отсутствие докладчиков) секция не работала, но некоторые доклады, связанные с ее проблематикой, вошли в номер „Polilog”, изданный в 2012 году в Слупске.

О трудностях, связанных с исследованием литературы второй волны, пишет Г. Нефагина, которая справедливо констатирует: «Рецензии, переписка, мемуары могут предоставить бесценный материал для издания полной и объективной картины литературной жизни эмиграции второй волны»⁵. Стоит отметить, что автор этой статьи, профессор Галина Нефагина с 2011 года исследовала вторую волну эмиграции в восьми научных статьях, опубликованных в Польше, Минске, Днепрпетровске, знакомя с творчеством писателей и поэтов, о которых до сих пор замалчивалось или же они были совсем неизвестны (А. Неймирок, М. Коряков, И. Елагин и многие другие). В названном слупском сборнике кроме упоми-

⁴ В.В. Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998.

⁵ Г. Нефагина, *Остров затонувших кораблей: о проблемах исследования литературы второй волны эмиграции*, [в:] *Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья*, ред. G. Nefagina, Słupsk 2012, с. 249.

наемой статьи Г. Нефагиной вторая волна эмиграции подверглась анализу А. Коналовой (проза Л. Ржевского) и Л. Щелоковой (проза Б. Филиппова)⁶.

Обратимся однако к новейшей книге профессора В. Агеносова, заслуженного деятеля науки РФ, академика РАЕН, который подготовил антологию писателей Ди-Пи и второй эмиграции, озаглавленную *Восставшие из небытия*. Он занимался сбором материалов пять лет, как сказано на одной из первых страниц книги, заключительная работа над книгой длилась 3 года, благодаря одному из китайских университетов – Renmin University of China, который создал благоприятные условия для того, чтобы книга возникла⁷. Книгу Агеносова открывает статья известного исследователя Евгения Витковского, автора антологии поэзии русского зарубежья 1920-1990, состоящей из четырех книг, в которых содержится также поэзия второй волны эмиграции. В рецензируемой книге Агеносова статья Витковского озаглавлена *Россия без гражданства: литература второй волны* (с. 7-10). Ее автор считает утверждение Г. Струве о том, что среди творцов «второй волны» не было людей с известными именами в какой-то мере не совсем правдивым, так как время позволило расширить изучаемый материал и, как считает Витковский: «[...] нам приходится строить концепцию не после того, как изучаемый материал изучен, а в процессе его освоения: двадцать лет изучения пока еще далеко не в полной мере дали возможность осознать – что же такое литература „второй волны”» (с. 9). Витковский подчеркивает многожанровость этой литературы, ее полноценность и самодостаточность. И хотя, как он пишет, в антологии Агеносова много новых имен, но «отсутствует их еще больше» (с. 10). Витковский справедливо отмечает: «Впрочем, энциклопедическая полнота едва ли достижима вообще, да и едва ли пошла бы она на пользу материалу столь неизученному, к тому же по сей день воспринимаемому литературоведами весьма нервно, не через призму литературы, но через туманную пелену невнятных воспоминаний и прямых наветов» (с. 10). В продолжение этих рассуждений в рецензируемую книгу вошла статья самого автора антологии Владимира Агеносова названная *Несколько слов об архипелаге Ди-Пи и его писателях* (с. 11-43).

Рассуждения свои Агеносов начинает воспоминаниями об известном профессоре МГПИ, ученом-литературоведе Степане Ивановиче Шешукове, которому, как считает автор, «повезло», ибо он избежал ГУЛАГа, был восстановлен в партии, защитил докторскую диссертацию и до конца своей жизни работал в Московском педагогическом университете. Подчеркнем, что Агеносов пользовался при написании своей статьи материалами парижского издательства Clermont (1948), сборника статей *Перемещенные лица*, а также статей, предоставленных ученому Комиссией при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. Агеносов в своих рассуждениях пользовался также статьями и книгами о второй эмиграции, вышедшими в России еще в 90-е годы.

⁶ Статьи вошли в сборник *Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья*, указ. соч., с. 250-266.

⁷ В. Агеносов, *Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции*, Москва - Санкт-Петербург, с. 4. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

В них содержатся интересные сведения не только о быте, но и о круге чтения, а также о лекциях, читаемых в лагерях. С 1946 года, как отмечает автор антологии, в лагерях стали выходить брошюры со стихами самих дипийцев, а также информационно-политические журналы. Мюнхен был местом, где находились многочисленные организации русских эмигрантов, активно поддерживающие дипийцев и их творения. Важную роль, как отмечает Агеносов, в обретении дипийцами новой родины, сыграл Толстовский фонд, так как при его помощи в США въехали около 40 тыс. человек.

Агеносов не совсем уверен в том, что литература второй волны «по объему и значимости уступает литературе первой волны» (с. 30). Мнение ученого: «[...] это так и не так» (с. 30). Ссылаясь на единодушное мнение критики, Агеносов считает, что: «[...] наибольший вклад в развитие литературы второй волны эмиграции принадлежит поэтам». С этим мнением стоит согласиться. Автор *Антологии* ставит такую цель настоящей книги: «[...]не только познакомить читателя-соотечественника с произведениями писателей Ди-Пи и второй эмиграции, но и показать эстетическое многообразие и богатство этого до сих пор малоизвестного пласта литературы русской диаспоры» (с. 41). Агеносов выделяет и называет «настоящих мастеров слова, которые вместе с дипийцами первой волны составили гордость литературы русского зарубежья» (с. 39). Сквозной темой их творчества он считает тему России и «милой родины». Ученый подчеркивает многообразие художественных приемов поэтов второй волны, в котором чередуется классический акмеистский стих с авангардистскими стихами, афористичными строками, экзистенциальными оттенками, а также лирическими раздумьями.

Вся *Антология* построена по алфавитному принципу. В ней имена 44 авторов. Каждая часть, посвященная конкретному автору, включает сначала вступительную статью о нем, которая завершается списком книг писателя и его главных, еще прижизненных публикаций. Стоит отметить, что в библиографические списки не вошли советские довоенные издания (они не у всех авторов были). Подчеркнем, что многие авторы, вошедшие в *Антологию*, до сих пор мало или вообще неизвестны не только российскому читателю. В этой связи ученый восполняет исследовательские проблемы. На наш взгляд, ряд дипийцев, как и их воспоминания и произведения, будет еще пополняться. В качестве примера: в 2004 году в книге *Зарубежная Россия (1917-1945)* появилась статья Г.С. Царьковой из Санкт-Петербурга о Михаиле Дмитриевиче Ротове⁸. В ней вводится в литературоведческий обиход имя Михаила Ротова, в биографии которого был лагерь для перемещенных лиц в Германии, а затем он обрел новое место жительства – США. Этот врач-психиатр проявлял большой интерес к русской литературе. Царькова приводит в качестве примера два его стихотворения и фрагменты из его воспоминаний. Думается, что многие, также и другие авторы, еще ждут своего «восстания из небытия».

Внимания заслуживает подбор Агеносовым текстов, которые, на наш взгляд, позволяют познать своеобразие творческого метода и эволюцию писателя.

⁸ Г.С. Царькова, *М.Д. Ротов. Послевоенные воспоминания*, [в:] *Зарубежная Россия. 1917-1945*. Книга 3, ред. коллегия В.Ю. Черняев – гл. редактор, Санкт-Петербург 2004, с. 304-311.

Объем книги не позволил включить в нее романы и повести прозаиков, и поэтому Агеносов включает их отрывки или рассказы, наиболее репрезентативные, чтобы у читающего было представление о художественных приемах данного автора. Непростым был отбор поэтических произведений: Агеносов выбрал для публикации те поэтические произведения, которые свидетельствовали о разных этапах и темах творчества. В создании настоящей *Антологии* важную роль сыграли живущие еще дипийцы – В. Синкевич, Е. Димер, Р. Полчанинов и Р. Резник. Агеносов отмечает тот факт, что его поддерживала в исследовании литературы дипийцев «культурная и научная общественность России» (с. 43). Автор *Антологии* сам оценивает, что невозможен весь перечень публикаций авторов, да и сведения о них будут пополняться. Он глубоко прав, считая, что «история послевоенной литературы русского зарубежья – последняя тайна российского литературоведения и, смею надеяться, что совместными усилиями эта тайна будет раскрыта» (с. 43).

Хочется отметить, что *Антологию* завершает серьезная библиография АИРО-XXI. Напомним, что Ассоциация исследователей российского общества, основанная в 1991 г., была создана рядом ведущих российских исследователей и специализируется в изданиях научной и научно-популярной литературы гуманитарного профиля. С 1993 года издано свыше 200 монографий, документальных сборников, книг и брошюр, осуществлено много научных проектов, в том числе *Исторические исследования в России и модели научного познания* и другие⁹. В настоящей *Антологии* представлены издания АИРО-XXI за 2000-2014 годы.

Перед нами серьезное исследование, а его новизна неоспорима, ведь это благодаря профессору Агеносову впервые в России появились отрывки многих произведений писателей, оказавшихся волей судьбы лицами без гражданства, дипийцами. Хочется верить, что литературные и документальные материалы, являющиеся основными источниками изучения художественного наследия дипийцев, будут пополняться, ибо эта проблема требует более комплексного изучения. Ведь целостное понимание великой русской культуры невозможно без анализа художественной эмиграции.

* * *

Lola Zwonariowa, Rene Gerra **Антология с грубыми ошибками**

Недавно в петербургском издательстве «Алитейя» вышла книга *Восставшие из небытия* – антология писателей Ди-Пи и второй волны эмиграции, подготовленная московским профессором Владимиром Агеносовым. Мы решили обсудить это издание с авторитетным ученым, более сорока лет изучающим культуру русской эмиграции, французским профессором, почётным академиком Рос-

⁹ www/airo-XXI.ru/Kontaktyf.htm (30.01.2015).

сийской академии художеств Рене Герра, обладателем самой большой в мире коллекции картин, рукописей и книг с автографами русских писателей и художников-эмигрантов. Сегодня господин Герра – единственный памятный свидетель творчества и деятельности, а кроме того, и прижизненный публикатор талантливых текстов русских писателей-эмигрантов, десятилетиями не замечавшихся зарубежными славистами, старательно изучавшими тексты официально одобренных советских авторов. Со многими из героев этой антологии Рене Юлианович (как называли русские эмигранты своего влюбленного в Россию молодого французского друга) был хорошо знаком, кое с кем – близко дружил.

– На недавно проходивших в Гданьске XVII международных литературно-образовательных чтениях одна из польских участниц назвала эту антологию *Восставшие из небытия «событием в эмигрантологии»* – (термин введён польским ученым Люцианом Суханеком на съезде славистов в Кракове в 1998 году). Я знаю, что вы иначе оцениваете эту книгу. Чем объясняется Ваша негативная оценка?

Р.Г.: Моя негативная оценка объясняется тем, что эта антология, как и книга того же автора *Литература русского зарубежья* (Терра. Спорт, М., 1998), – компилятивная, сумбурная, с грубыми повторяющимися ошибками. Автор просто не владеет материалом. Немудрено для бывшего преподавателя Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, автора книг *XXV съезд КПСС и проблемы современной советской литературы* (М., 1977); *XXVII съезд КПСС и актуальные проблемы советской литературы* (М., 1987). Кто только сегодня не занимается литературой русской эмиграции! Сколько новоиспеченных лжеспециалистов!

– Очевидно, настало время чётко определить, кого именно мы сегодня относим к писателям второй волны эмиграции. Какой смысл вы как собиратель-исследователь вкладываете в этот на сегодня устоявшийся термин? Мне кажется, что ваша точка зрения совпадает с пониманием его американским исследователем, бывшим главным редактором „Нового журнала“, автором книги в серии «ЖЗЛ» о Георгии Иванове Вадимом Крейдом и отличается от агеносовской... Уточните, пожалуйста, чем именно?

Р.Г.: Безусловно, моя точка зрения полностью совпадает с научным подходом Вадима Крейда, который в *Словарь поэтов русского зарубежья* (под его общей редакцией, издательство Русского Христианского гуманитарного института, СПб, 1999), естественно, включил в первую волну: Л. Алексееву, Ю. Иваска, Б. Нарциссова, А. Перфильева, И. Сабурову и, конечно, И. Чиннова. Глеб Струве в своей книге *Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы* (Издательство им. Чехова, Нью-Йорк, 1956) первый писал о «второй волне» как о новоэмигрантской литературе, но ошибочно отнес Л. Алексееву ко второй волне. В антологии *Муза Диаспоры* (Посев, 1960; составитель Ю. Терапиано) можно прочитать в его вступительной статье: «Еще наблюдение: поэты новой эмиграции, то есть воспитанные в Советском Союзе как будто совсем не знают об Иннокентии Анненском (или не хотят знать его), тогда как эмигрантские поэты многому у Анненского нау-

чились». Для меня писатели второй волны – люди советской формации, которые в 20-е и 30-е годы жили в СССР, и на них не могли не сказаться больше двадцати лет «советчины». Все они носили в себе «совковый» опыт, естественно, неведомый писателям первой волны эмиграции. Кто был обижен советской властью (Н. Нароков, О. Анстей, И. Елагин), кто был внутренним эмигрантом (Д. Кленовский), кто пострадал и попал в сталинский ГУЛАГ (Н. Ульянов, Б. Филиппов, Ю. Трубецкой).

– Как бы вы объяснили читателям нашей газеты, почему Лидию Алексееву, Бориса Нарциссова, Юрия Иваска, Александра Неймирока и Ирину Сабурову недопустимо называть представителями второй волны эмиграции?

Р.Г.: По той простой причине, что до второй мировой войны они все жили в эмиграции, кто в Прибалтике (Ю. Иваск, Б. Нарциссов, А. Перфильев, И. Сабурова), кто в Белграде (Л. Алексеева, А. Неймирок) и печатались в русских эмигрантских газетах и журналах. Во-первых, я не только лично был знаком, но и дружил с Л. Алексеевой, И. Сабуровой, И. Чинновым, Ю. Иваском, Б. Нарциссовым. Трое их них даже не раз гостили у меня в Париже, а я неоднократно – у Сабуровой в Мюнхене, поэтому, как живой свидетель, смело могу утверждать, что они естественно себя считали представителями первой волны. Во-вторых, факты – вещь упрямая, возьмем, например, Лидию Алексееву. Она начала печататься в 30-е годы в русских журналах, издававшихся в Белграде, Варшаве („Меч”), Таллинне („Новь”), с 1928 года участвовала в белградском литературном кружке „Новый Арзамас”. В 1937 году вышла замуж за писателя-эмигранта Мих. Иванникова. А Ирина Сабурова печататься начала в 15 лет, первая публикация *Встреча. Рождественский эскиз* появилась в газете „Сегодня” (№ 47, Рига 1922), её рассказы, статьи, стихи публиковались во многих эмигрантских периодических изданиях: в журналах „Новая нива”, „Будильник”, „Наш огонёк”, „Журнал Содружества”, „Рубеж”, „Иллюстрированная Россия” и в газете „Сегодня”. С 1933 по 1940 была редактором рижского еженедельника „Для вас”. Её первая книга – сборник рассказов *Тень синего марта* вышла в Риге в 1937 году. Другой пример, Юрий Павлович Иваск с 1929 года начал публиковать стихи и литературно-критические статьи. Он был сотрудником прекрасного таллиннского журнала „Новь” и парижских журналов „Путь” и „Новый град”. Его стихи дважды были напечатаны в парижских „Современных записках” (LVI, 1934 и LX, 1936) и даже включены в первую антологию зарубежной поэзии *Якорь* (Петрополис, Берлин, 1936) рядом со стихами Г. Иванова. В 1938 году, в Варшаве был издан его первый сборник стихов *Северный берег*, о котором известный историк и литературный критик П. Бицилли написал рецензию для парижских „Современных записок” (№ 66, 1938). Я мог бы продолжить, что, например, стихи Бориса Нарциссова печатались в 30-е годы в журналах „Новь” и „Современные записки” (LVI, Париж, 1934). А стихи и эссе Игоря Чиннова *Рисование Несовершенного, Отвлечение от всего и Отрывок из черновика* появились в парижском журнале „Числа” (№ 6, 1932; № 9, 1933; № 10, 1934).

Кстати, Ю.П. Иваск, И.В. Чиннов, Б.А. Нарциссов, А.М. Перфильев, И.Е. Сабурова закономерно были включены в *Литературную энциклопедию Русского Зарубежья 1918-1940. Писатели русского зарубежья* (Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам, РОССПЭН, М., 1997).

– *Уже в предисловии к антологии даются две различные даты создания „Нового журнала” – «выходивший в Америке с 1940 года» читаем на странице 29, а две страницы спустя, на странице 31 – «Основанный в 1942 году „Новый журнал”. Какие ошибки вы заметили в антологии?*

Р.Г.: Столь грубая ошибка с годом появления в свет первого номера нью-йоркского „Нового журнала” весьма показательна. Она о многом говорит, автор с первых же страниц выдает свою некомпетентность в области литературы русского зарубежья. Ошибок много, слишком много, чтобы их здесь перечислять. Вот, например, на той же странице 29, Б.Нарциссов и И. Чиннов оказались поэтами второй волны, а на странице 37 читаем: «„Дипилогическая азбука” И. Сабуровой – наиболее значительное сатирическое произведение второй эмиграции»... Грубейшие ошибки касаются моего покойного друга писателя Николая Ивановича Ульянова. Во-первых, он родился в Санкт-Петербурге, а не в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии; во-вторых, в 1920-1927 гг. он не учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, а на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук Петроградского университета, в 1925 г. перевелся на четвертый курс историко-археологического цикла факультета языкознания и материальной культуры. И наконец, он никогда не работал врачом, как пишет В. Агеносов, перепутав его с женой Надеждой Николаевной.

– *Писатель Николай Ульянов завещал вам свои авторские права. Если сегодня составитель антологии хочет опубликовать фрагмент из работ Ульянова, каковы должны быть его действия? Он должен просить у вас официальное разрешение?*

Р.Г.: Конечно, составитель этой антологии должен был у меня просить письменное разрешение, прекрасно зная, что я – наследник авторских прав моего покойного друга Николая Ивановича Ульянова. Он не может не знать – я об этом писал неоднократно не только в своих книгах, но и в „Литературной газете” (№ 38-39 /6190/, 24-30 сентября 2008. С. 14).

– *Известно, что после выхода первого издания учебника Владимира Агеносова «Литература русского зарубежья» вы подали на автора в суд. В чём состояли ваши претензии?*

Р.Г.: К сожалению, Агеносов является трижды рецидивистом, ведь уже в 1998 году, несмотря на мой копирайт, указанный на 4 и 321 страницах, без моего ведома и разрешения использовал для своей книги «Литература русского зару-

бежья» два автографа И. Бунина (бессовестно сохранив мое оформление, тем самым доказывая откуда взял) и Б. Поплавского, семь фотографий: В. Мамченко (с. 35), Ю. Бек-Софиева (с. 35), Б. Поплавского (с. 39), Л. Червинской (с. 39), И. Бунина (с. 192), Б. Зайцева (с. 116), Ю. Терапиано (с. 39), С. Шаршуна (с. 35), В. Варшавского (с. 35), (четырёх последних писателей сам снимал у себя дома в Медоне, для этого купил фотоаппарат, пленки и давал проявить в фотостудию, конечно, проще и быстрее присвоить себе чужой материал). Все это Агеносов взял еще 17 лет назад из книги Ю. Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека», составленной и изданной мною (изд. Альбатрос, Париж 1987). Я воспринял это как вызов, когда он указал, откуда им всё присвоено, воспроизведя на 46 странице обложку той самой книги Ю. Терапиано работы моего друга, известного художника Сергея Голлербаха.

Мою фотографию В. Варшавского Агеносов снова использовал в 2005 году для биобиблиографического словаря «Русская литература XX века», (Олма-Пресс Инвест М. 2005: Т. 1, с. 335) для своей весьма слабой статьи о моем покойном друге.